

А ИТОЛОГНА

Annotation

История эта началась вечером 9 августа 1949 года. Оскар Венсан, холостяк, владелец небольшой книжной лавки в квартале Монпарнас, ветеран войны, сидел на террасе «Купола», попивая свежее пиво и разглядывая прохожих. В этот момент в его жизнь вошел бадариец. Он был облачен в красную римскую тогу, что-то странное и совершенно новое было в его лице: может быть, благородство его черт? Бадариец просил оказать ему любезность и сказать, который теперь век? Вопрос поверг Венсана в изумление, кроме того, незнакомец говорил на латыни Венсан вспомнил, что читал как-то статью о недавнем открытии Брайтоном развалин древнего города Бадари...

Une nuit interminable

Рассказ 1952 года

Перевод на русский: В. Козова

- [Пьер БУЛЬ](#)

- [***](#)

Пьер БУЛЬ

БЕСКОНЕЧНАЯ НОЧЬ

Меня зовут Оскар Венсан. Я холостяк. У меня небольшая книжная лавка в квартале Монпарнас. Мне недавно исполнилось пятьдесят лет. Я, как и все, участвовал в войне. На мой взгляд, одной войны вполне достаточно для человеческой жизни.

Я много читаю. Меня интересуют новинки науки, литературы и философии. Иногда я размышляю над проблемой существования, и это вполне удовлетворяет мою потребность в таинственном. Меня восхищает изобретательность ученых, которые сумели расколоть атомное ядро. Легкая дрожь восхищения охватывает меня, когда я подумываю, что родился в этом веке.

Только и только случаю обязан я тем, что окунулся в это необыкновенное происшествие. Я не испытываю за это чувства благодарности к случаю, но и не проклинаяю его. Я немножко фаталист. Но мне бы очень хотелось знать, как я сумею из этого выбраться.

История эта началась вечером 9 августа 1949 года. Я сидел на террасе «Купола». У меня уже вошло в привычку бывать здесь в летние дни, попивая свежее пиво и разглядывая прохожих. Так было и на этот раз. Передо мною лежала развернутая газета, и, когда я уставал смотреть на прохожих, я опускал глаза, чтобы прочесть несколько строк.

Я подумывал о том, что все шло не так уж плохо.

Именно в этот момент в мою жизнь вошел бадариец, вошел с той властностью, которая свидетельствовала о его незаурядной личности.

Уже несколько минут мое внимание было привлечено человеком, который три раза проходил мимо моего стола, в упор разглядывая посетителей. Он был облачен в красную римскую тогу: эта деталь меня поразила куда меньше, чем что-то странное и совершенно новое в его лице: может быть, благородство его черт? Быть может, его высокий и величественный лоб или олимпийский изгиб его носа? Или, возможно, бронзовый цвет кожи, подобного которому я никогда не встречал? Значительно выше среднего роста, он странным образом напоминал мне египетского бога, который облачился бы вдруг для забавы в римскую тогу.

Я наблюдал за его движениями. Он снова медленно прошел передо мной, ступая несколько неуверенно; можно было подумать, что он заблудился и не решается спросить дорогу. Наконец он, по-видимому, принял решение и сел за соседний столик. Официанту, который подошел к нему, он показал на кружку, стоящую передо мной, движением, которое должно было означать: «то же самое». У него был растерянный вид. Я заметил, что этот человек привлек не только мое внимание: недалеко от меня сидел невысокий господин в очках, с лысым черепом, который буквально пожирал его глазами.

Человек с бронзовой кожей отпил глоток пива, и на лице его появилась гримаса отвращения. Он задумался и долго молчал, потом посмотрел на меня.

— О друг, — сказал он серьезно, — не согласишься ли ты оказать мне чрезвычайную любезность и сказать, который теперь век?

— Простите? — ответил я.

— Я был бы тебе очень признателен, — продолжал он, — если бы ты назвал мне номер этого века.

Изумление, в которое меня поверг этот вопрос, вряд ли могло быть смягчено следующим обстоятельством: незнакомец говорил на латыни. Я неплохо знаю этот язык, так что без труда понимал незнакомца и мог ему отвечать. Мы вели разговор на классической латыни, и теперь я передаю его с возможной точностью.

Сначала я подумал, что имею дело с любителем глупых шуток. Но его подчеркнутая вежливость вынудила меня отвергнуть это предположение. Тогда, быть может, сумасшедший?

Как бы то ни было, я решил говорить ему в тон.

— О гражданин, — сказал я, — с великим удовольствием я отвечу тебе. Мы живем в середине двадцатого века. Точнее, в тысяча девятьсот сорок девятом году.

На лице незнакомца появилось выражение горестного изумления. Он с упреком посмотрел на меня и сказал:

— О друг, кто внушил тебе мысль издеваться над человеком, который прибыл сюда из другого времени и потому совсем одинок здесь? Я отлично знаю, что сейчас вовсе не тысяча девятьсот сорок девятый год, как говорит твой лживый язык, ибо, если мои расчеты точны, я покинул королевство Бадари около восьми тысяч лет назад. А у нас в это время был уже девятитысячный год.

Я много раз слышал, что нельзя спорить с душевнобольными. Этот, видимо, помешался на том, что живет в другом веке. Я вспомнил, что читал как-то статью о недавнем открытии Брайтоном развалин древнего города Бадари. Я заинтересовался тогда удивительной цивилизацией, о которой узнали благодаря раскопкам этого ученого. Вероятно, подобное же чтение помутило разум этого бедняги.

Я отвечал не спеша, все время в одном тоне.

— Я не спорю, о незнакомец, против твоих слов о необычайной древности великолепной бадарийской цивилизации. Однако — и в этом я призываю в свидетели богов — у меня не было и мысли смеяться над тобой. Мои слова означали только, что у нас теперь тысяча девятьсот сорок девятый год по христианскому летоисчислению. Тебе, несомненно, известно, о мудрец, что время относительно. Поэтому мы можем одновременно жить в двадцатом веке от рождения Христова и восемнадцатитысячном году или около того, если начало летоисчисления будет у нас общим с жителями просвещенного и прославленного города, о котором ты говоришь.

Эти слова его успокоили. Он погрузился в глубокое раздумье, занявшись, по-видимому, сложными вычислениями.

— Друг, — сказал он наконец, — прости мне, что я усомнился в твоем чистосердечии; но ты не посетуешь на меня, если узнаешь, какую сложную проблему приходится мне решать. В знак доверия я хочу раскрыть тебе мою тайну. Я не думаю, что это заставило бы усомниться во мне ученейшую Академию, которая послала меня сюда. К тому же я вижу на твоем лице признаки некоторого слабоумия, которое является для нас гарантией надежности человека. Прости мне мою откровенность; впрочем, эта черта присуща всем бадарийцам. Узнай же то, что не укрылось бы от тебя, будь ты более проницательным: я путешествую во времени. Меня зовут Амун-Ка-Зайлат. Как я уже сказал тебе, я прибыл сюда из прославленного города Бадари. Я покинул его несколько минут назад по моему времени, что составляет примерно восемьдесят веков времени земного. Я ученый королевского научного института, и мне было поручено испытать машину времени; продолжительность путешествия установлена нашим ученейшим институтом. Один из моих коллег уже проводил опыты небольшой длительности. Он достиг эпохи римлян, которую мы изучили совсем неплохо. Теперь ты понимаешь, почему я с легкостью говорю на латыни. Я облачился в одежду той эпохи, полагая, что, быть может, тога, как и язык, сохранилась в течение веков; увы, я заблуждался. Я установил машину на двадцать тысяч лет вперед; пока это наибольший срок, на который мы можем перемещаться. По пути я понял, что эта протяженность не может быть преодолена сразу. Тогда я решил сделать промежуточную посадку и несколько минут назад остановился здесь, в эпохе, которая, я полагаю, отстоит от нашей примерно на восемь тысяч лет. Впрочем, я не уверен в своих расчетах и хотел бы проверить их.

Как бы нелепо это ни выглядело, я начинал верить, что он говорит правду. По мере того как он говорил, сомнения в отношении его душевного состояния исчезали. Теперь мною овладело

лихорадочное возбуждение, которое, быть может, доказывало лишь слабость моего собственного разума. Итак, говорил я себе, передо мной подлинный, настоящий бадариец, один из тех, историческое существование которых доказывал Брайтон в своем труде «Цивилизация Бадари». Поистине чудо: я избран в свидетели необыкновенного события! Путешествие во времени! Возможно ли — сбывается фантазия Уэллса! Тысячи вопросов одолевали меня.

Между тем незнакомец продолжал:

— О сын мой, мне понятно твое удивление. Тебе, вероятно, ничего не известно о чудесной цивилизации Бадари. Наверное, в течение восьмидесяти веков, которые протекли на Земле за несколько минут моего путешествия...

Хладнокровно выслушать эту гипотезу, пусть даже высказанную на классической латыни, было бы сверх моих сил. Я предложил незнакомцу сесть за мой столик и выпить вместе в честь благополучного прибытия и нашей встречи. Он не заставил себя упрашивать. Я спросил, чего бы ему хотелось. Он ответил, что ни за что на свете не притронется к омерзительному пойлу, которое только что приносил ему этот раб, но что ему показался очень приятным на вкус напиток, доставленный несколько дней назад (считая по его времени) из римской эпохи. Напиток этот был рубинового цвета, и римляне называли его *vinum*. Я заказал две бутылки отменного бургундского.

Он отпил большой глоток, кивнул одобрительно и серьезно сказал:

— Этот напиток согревает и приятен на вкус. Перед возвращением я возьму с собой четыре сосуда.

Я опустошил один за другим четыре стакана и попросил бадарийца продолжить рассказ.

— Я говорил тебе, — сказал Амун-Ка-Зайлат, — что за восемьдесят веков, которые протекли на Земле в течение нескольких минут моего путешествия, замечательная бадарийская цивилизация, по всей вероятности, исчезла. Твое изумление мне понятно, ибо столь же вероятно, что наши величайшие открытия тоже погибли. Уже римляне ничего не знали о них. В частности, наша хитроумнейшая машина времени им не была известна. Я не думаю, чтобы ее изобрели впоследствии.

Я подтвердил, что путешествие во времени практически нам никогда не представлялось возможным.

— О Амун-Ка-Зайлат, — сказал я, — эти перемещения во времени кажутся мне самым изумительным достижением человечества, и я понимаю теперь, что мы еще просто дети, несмотря на огромные успехи нашей науки. Однако наш век не столь невежествен, как ты полагаешь. Я знаю кое-что о бадарийской цивилизации. Пусть люди не сохранили памяти о ней; наши ученые принялись за ее изучение. Недавние раскопки открыли для нас это славное прошлое. Узнай же, что твой город был разрушен шесть с лишним тысяч лет назад и погребен под песками. Теперь наши отважные первооткрыватели раскапывают его развалины.

— Возможно ли? — воскликнул Амун.

— Они находят там глиняные черепки, бронзовые кинжалы и скелеты с искривленными конечностями. Но не найдено никаких следов тех открытий, о которых ты говоришь. Мы решили, что вы были земледельческим народом. Нам известно, что вы умели создавать восхитительные статуэтки из слоновой кости, обрабатывать перламутр и чеканить на меди; но никто и не подозревает, что ваша наука достигла таких высот, о чем я могу теперь засвидетельствовать.

— Что ж, в этом нет ничего удивительного, если подумать. Вполне естественно, что грубые предметы, о которых ты говоришь, сохранились в течение веков. Но наша прекрасная техника создавалась из материалов куда более хрупких, чем медь и бронза... Ты никогда не слышал о

волнах и радиации? Вы не умеете передавать энергию с помощью этих невидимых посредников?

Я ответил ему, что умеем и что мы даже достигли в этой области значительных результатов. Я охотно описал ему устройство наших радио— и телестанций.

— Значит, — заметил он, — ты понимаешь, что главный элемент ваших устройств нельзя пощупать. Предположи теперь, что секрет этих передач с помощью волн будет утрачен и что будущий завоеватель обнаружит обломки тех аппаратов, которыми ты теперь так гордишься. Ведь он не сможет догадаться, какую практическую цель вы преследовали, создавая эти аппараты. Он решит, что имеет дело с образцами декоративного искусства. Точно так рассуждают ученые твоего века, когда они раскапывают осколки ваз и металлические обломки, на которых выгравированы непонятные символы... Но я вижу, что в области познания вы еще грудные дети. Основной чертой наших последних научно-технических достижений является простота. В частности, машина, которая доставила меня сюда, снабжена очень сложной радиационной системой, но ее несущая часть совсем не велика. Взгляни на нее. Ничего удивительного, что столь заурядный на вид механизм оказался незамеченным.

Он вынул из кармана небольшой матово-белый предмет почти эллиптической формы с клавиатурой, состоящей из кнопок и рычажков; казалось, этим ограничивалось устройство механизма. В этот момент я заметил, что маленький человек в очках, о котором я упоминал, наклонился вперед и смотрит на нас с огромным любопытством. Он сидел совсем недалеко и наверняка слышал большую часть нашего разговора. Бадариец поспешно спрятал предмет в карман.

— Нет нужды говорить, друг, что я оказал тебе высочайшее доверие. Эта вещь для меня сейчас ценнее всех ваз из королевской сокровищницы. Я не намерен задерживаться в твоей эпохе. Мне нужно достигнуть двадцатитысячного года, который является целью моего путешествия, и потом вернуться домой... Но ты сказал, что божественный город Бадари давно уже мертв?

— Разве тебе это неизвестно? — ответил я по размышлению. — Разве ты, совершая свое путешествие, не был свидетелем его агонии и медленного угасания в течение веков? Разве ты не был свидетелем собственной смерти? Разве ты не видел, как твой прах поместили в одну из тех изящно раскрашенных урн, которые теперь восхищают нас?

— Чтобы наш разговор не шел попусту, — ответил бадариец, — мне бы хотелось дать тебе некоторые разъяснения в отношении наших методов. Тогда отпадут многие вопросы, которые, прости, друг, кажутся мне глупыми... Но поскольку мы познакомились, не можешь ли ты назвать мне теперь свое имя? Называть людей с помощью таких выражений, как «О друг» или «О незнакомец», мне кажется утомительным. Это тоже позаимствовано мною у римлян.

— Меня зовут, — ответил я, — Оскар Венсан.

— Мммдаа... ладно... Все-таки, если это не обидит тебя, я по-прежнему буду обращаться к тебе «о друг». Я хотел только сказать, что твои представления о путешествии во времени совершенно инфантильны. Слушай же.

Мы сидели друг против друга в атмосфере вечернего Монпарнаса, обвеваемые нежным ветерком. Я настолько был увлечен рассказом бадарийца, что совсем забыл о еде. Было девять часов. В бутылках ничего не оставалось. Я хотел заказать новые, когда маленький человек в очках поднялся с места и, к моему глубочайшему изумлению, обратился к нам по-латыни.

— О граждане, — сказал он, — простите, что я нарушаю вашу беседу. Не обвиняйте меня в нескромности за то, что я слушал ваш разговор. Твои манеры меня поразили, о предок, едва только я увидел тебя. Я не мог не прислушаться к твоим словам. Они настолько взволновали

меня, что я не удержался и слушал до конца. Не проклиняйте же меня, но возблагодарите случай, который сделал возможной эту встречу, возблагодарите непостижимую привязанность людей к прошлому, которая побуждает изучать в школах латынь даже в наши дни... Но что там! Я должен сказать в *мои* дни, ибо, о благородные незнакомцы, мы с вами люди *разных эпох*. Насколько бы чудесным вам это ни показалось, знайте же, друзья, что перед вами еще один путешественник во времени. Но я прибыл сюда из далекого будущего. Ни одному из вас невдомек мое существование, ибо, да будет известно тебе, парижанин, и тебе, бадариец, я должен родиться только через десять-двенадцать тысяч лет; я не могу сказать точнее, ибо, как и ты, о мой предок Амун, я приземлился в этой эпохе случайно, после того как установил, что не смогу сразу преодолеть протяженность в двести веков, на которую был установлен мой механизм, и должен сделать промежуточную остановку.

Друзья, перед вами доктор Джинг-Джонг, один из прославленных ученых республики Перголия... но, увы, нам ничего не известно о Перголезской республике, потому что страна, которая станет свидетелем моего блистательного успеха, пока еще скрыта под океаном, именуемым в твоё время, о парижанин, Тихим. Знайте же, что мне поручено... я хотел сказать: мне будет поручено Перголезской академией предпринять научное путешествие в прошлое, используя наше последнее достижение — машину времени. Длительность путешествия будет установлена в двести веков земного времени. По моим расчетам, я должен достигнуть замечательной бадарийской эпохи, с которой нас познакомила наша наука. Незначительное обстоятельство вынудило меня сделать здесь промежуточную посадку. Но я счастлив, ибо это позволило мне сразу же познакомиться с двумя различными эпохами.

Я прибыл сюда пять дней назад по твоему времени, парижанин. Я обменял свою одежду на другую, которая здесь не бросается в глаза. А вот моя машина.

Он показал овальный предмет, похожий на тот, что я видел у Амуна.

— О божественный Джинг-Джонг, — начал я.

Но я вынужден был остановиться, настолько я был потрясен. Я сделал знак гарсону и показал перголезцу место за нашим столом; моих сил хватило ровно настолько, чтобы спросить его, что он предпочитает выпить. Он ответил, что напиток, именуемый коньяк, во всех отношениях его удовлетворяет.

— Он напоминает мне, — добавил он, — напиток, который у себя дома я пью постоянно... Я хотел сказать: буду пить. В самом деле, я еще не привык к жизни за десять тысяч лет до своей эпохи, и я прошу у вас прощения за путаницу, которую вношу из-за этого в разговор... Если ты позволишь, я хотел бы коньяк и немножко газированной воды.

Я заказал бутылку коньяку и сифон газированной воды и принялся разглядывать нового знакомого. Он был маленького роста, совершенно лыс и одет в аккуратный черный сюртук. Глаза его горели дьявольским огнем, и мое внимание, несомненно, привлек бы его череп необыкновенной величины, если бы не бадариец. После появления маленького человека он еще не произнес ни слова. Казалось, он недоволен.

Одним глотком я выпил стакан коньяку и немножко пришел в себя.

— Господа, — начал я, — ...прошу прощения, джентльмены... Я хочу сказать: о ученые! Ты, знаменитейший из бадарийцев, и ты, который своей славой затмил... затмишь самых прославленных перголезцев! Этот вечер ознаменован величайшим событием в моей жизни, и я благодарю провидение за то, что оно позволило мне стать свидетелем настоящих чудес. Я чувствую себя недостойным и, краснея от стыда, склоняюсь перед твоей необычайной мудростью, Амун-Ка-Зайлат, и мудростью, которая достанется в удел тебе, Джинг-Джонг. Но жальтесь над непросвещенностью этого века, который, как я замечаю, является чем-то вроде мрачного средневековья. Я заклинаю вас дать мне некоторые разъяснения. Ведь со дня твоей

смерти, бадариец, живший восемь тысяч лет назад, прошло по меньшей мере семьдесят девять веков. Как же ты можешь находиться здесь, перед моими глазами?

— Я постараюсь удовлетворить твое любопытство, но вопросы, которые ты задаешь, свидетельствуют о твоём крайнем простодушии. Позволь же мне начать сначала, что я и собирался сделать, когда нас прервал перголезский ученый... и ты, мой прапраправнук, выслушай мой рассказ, после чего я буду счастлив выслушать твой.

Доктор Джинг-Джонг кивнул в знак согласия, после чего бадариец продолжал:

— Уже несколько десятков лет назад нашими учеными была установлена теоретическая возможность ускоренного перемещения во времени. Один из наших ученых доказал, что время не является однородным и что для индивидуумов, находящихся в разных системах, скорость его относительна и определяется самой системой... Но скажи мне, парижанин, достаточно ли ясно я выражаюсь?

— Продолжай, эта теория мне знакома. Один из наших ученых сделал аналогичное открытие.

— Итак, возможность (повторяю, теоретическая) жить во времени, отличном от земного, была признана; но для ее осуществления требовалось достигнуть скорости, близкой к скорости света. Я приведу пример, который ты сможешь понять; его всегда приводят нашим школьникам. Если путешественник отправится с нашей планеты со скоростью в двести девяносто девять тысяч девятьсот восемьдесят пять километров в секунду и пробудет в путешествии два года, то к его возвращению на Земле пройдет двести лет...

— Мне это известно, — сказал я, гордясь своими познаниями. — Профессор Ланжевен прославился...

— Прекрасно. Но не перебивай меня. Теперь я расскажу тебе о том, чего ты не знаешь.

Эта истина оставалась чисто теоретической до того дня, когда был открыт до смешного простой способ, дающий возможность человеческому телу без всякого вреда двигаться со скоростью, близкой к скорости света. С тех пор путешествие во времени — правда, только в определенном направлении — стало практически осуществимым. Мы научились посылать своих гонцов в последующие эпохи. Достаточно для этого забросить их в пространство и, едва они достигнут необходимой скорости, немедленно вернуть их на Землю. Я выражаюсь весьма схематически. На самом деле такой путешественник сразу же выпадает из-под нашего контроля, поскольку он оказывается в другом времени. Поэтому мы даем ему точные предварительные инструкции и заранее подвергаем специальному обучению.

Десять человек были таким образом «запущены», и совсем недавно возвратился первый из них. Его маршрут был рассчитан таким образом, чтобы на Землю он вернулся через двадцать пять лет нашего времени, то есть через несколько секунд своего собственного. Он чувствует себя отлично и был очень удивлен, когда оказалось, что он с сыном теперь одного возраста. Что до остальных, то мы пока ничего не знаем о их судьбе.

В самом деле, если ты внимательно следил за мной, то наверняка заметил, что наши первые опыты страдали от одного существенного недостатка. Наши посланцы могли достигнуть какой угодно эпохи земного времени, но возвратиться оттуда они бы не смогли. Изобретение оставалось несовершенным. Наш посланец мог пользоваться благами прогресса, достигнутого человечеством за время его путешествия, но поделиться с нами своими знаниями он не смог бы до тех пор, пока... мы не встретились бы с ним, прожив определенное время и достигнув тех же самых знаний. Такое положение нас не устраивало. И вот самые изобретательные умы Бадари принялись за разрешение этой проблемы.

Я горжусь тем, что вложил свой вклад в это большое дело. Мы научились, наконец, путешествовать через века в обратном направлении. Некоторые ученые полагали, что это

невозможно, ибо считали время необратимым. На самом деле это не так. Я не буду вдаваться в подробности и не стану рассказывать о технике этого дела — ты, парижанин, меня не поймешь; что касается тебя, перголезец, то само твое присутствие здесь свидетельствует о том, что наше изобретение было вновь открыто через века. Если я захочу возвратиться в Бадари, мне понадобится только передвинуть небольшой рычажок. Я устремлюсь тогда со сложной скоростью в соответствии с воображаемой временно-пространственной протяженностью. Я достигну своей эпохи, двигаясь во времени в обратном направлении. Наши предыдущие эксперименты были успешны, и, как я уже говорил тебе, наш посланец возвратился с интереснейшими свидетельствами о Римской империи.

Я слушал бадарийца внимательно, стараясь не упустить ни слова. Джинг-Джонг довольствовался тем, что временами одобрительно кивал головой. Когда Амун-Ка-Зайлат умолк, он воскликнул:

— Да будет прославлена мудрость перголезцев, воскресивших эти чудеса! Меня мало что удивило в твоём рассказе, бадариец. Мы тоже открыли... то есть откроем способ для достижения баснословных скоростей. Нам тоже станет известен принцип усложненных перемещений и воображаемых протяженностей. Единственная разница между твоим экспериментом и моим, о предок, заключается в направлении путешествия. Мы решили совершить путешествие в прошлое. Итак, после точной установки машины я отправляюсь в бадарийскую эпоху, унося с собой надежды и энтузиазм всех перголезцев. Я отправлюсь в путь через двенадцать тысяч лет. Я прибыл сюда пять дней назад после путешествия, занявшего несколько часов...

Выражения «сложная скорость» и «воображаемая протяженность» мне еще были под силу; но от этого непрерывного смещения прошлого, настоящего и будущего у меня начиналась нервная дрожь. Я заказал еще несколько бутылок.

— Простите, друзья, что я прерываю вас, — взмолился я, — но мне нужно какое-то время, чтобы освоиться. Не торопитесь, пожалуйста, меня изумляет каждое ваше слово... Итак, — продолжал я, пытаясь сосредоточиться, — ты уверяешь, Амун-Ка-Зайлат, что сможешь отправиться против течения времени и возвратиться в эпоху, из которой ты прибыл?

— Совершенно верно.

— И потом, когда ты умрешь, твое перемещение во времени еще будет продолжаться в будущем? Стало быть, люди моего века, например, могут видеть тебя живым уже после твоей смерти?

— В этом нет никакого сомнения, — ответил бадариец.

— А почему бы нет? — добавил Джинг-Джонг. — Ведь меня ты видишь задолго до моего рождения.

— Действительно, — пробормотал я в задумчивости, — я об этом не подумал... Но как же тогда... разве не ты мне сказал, что ты *сейчас* жив?.. Ведь в таком случае прав как раз я, и ты наверняка мертв.

— О парижанин, твое вино прекрасно, но голова у тебя поистине слоновья. Ведь все это очень просто: для тебя я мертв, но относительно моего собственного времени я жив, поскольку я существую. Моя смерть находится в МОЕМ БУДУЩЕМ и одновременно в ТВОЕМ ПРОШЛОМ. Если тебе так больше нравится, что ж: я умер немногим менее твоих восьмидесяти веков назад. В этом нет никакого противоречия.

— Да... да... Но предположим, что ты совершил путешествие всего лишь на два года вперед (я имею в виду два земных года). Ты останешься там несколько дней, а затем вернешься назад и будешь жить изо дня в день; если я правильно понял, через два года ты должен будешь встретиться с самим собой во времени, которое ты уже прожил... то есть которое ты проживешь

два года назад... Я хочу сказать, два года спустя.

— Это неоспоримо, и такая встреча с самим собой — одна из удивительных деталей, связанных с подобными путешествиями. Совершенно очевидно, что в случае замкнутого цикла со слабой амплитудой, возвратившись назад и живя затем нормально, то есть в земном времени, я должен оказаться перед собственными глазами, точно так же, как сейчас нахожусь перед тобой.

— Непостижимо! — вскричал я, почти теряя рассудок. — Но ты, Джинг-Джонг, когда ты родишься... Когда ты будешь рожден... Когда ты должен будешь родиться... и если ты возвратишься в эти края, узнаешь ли ты Париж, который ты должен будешь посетить... да, который ты посетишь примерно за двенадцать тысяч лет до своего рождения?

— Не думаю, — ответил Джинг-Джонг. — Ты все время забываешь, что я *должен* буду родиться по отношению к тебе, но что касается меня, я *уже* родился, поскольку я сижу здесь, перед тобой. К этому моменту я помолодел только на два или три часа; и поскольку мне шестьдесят лет, я родился шестьдесят лет назад по времени перголезцев.

Сидя на террасе «Купола», мы продолжали беседу. Коньяк помогал мне не выглядеть чрезмерным глупцом, хотя я жалким образом продолжал путать глагольные времена. Стояла светлая ночь. Монпарнас снова стал красочным и оживленным, как в предвоенные годы. В толпе можно было встретить иностранцев всех рас и в любой одежде. Бадариец в красной тоге не особенно выделялся.

«Никто и не подозревает, — подумалось мне, — что здесь совершается... совершилось... совершится... самое необыкновенное приключение в истории... и что это мне, Оскару Венсану, дано стать его участником! Какая необыкновенная заботливость providения!»

Совсем теряя голову от признательности к судьбе, я робко спросил своих гостей, не пожелают ли они отведать вина, столь прославленного у нас; я заказал две бутылки шампанского. Мы чокнулись.

Амун-Ка-Зайлат соблаговолил выразить свое удовлетворение. Он говорил:

— Странное ощущение испытываешь, друг, оказавшись внезапно на восемь тысяч лет впереди своего времени. Я не стану дурно отзываться о твоём веке, парижанин, хотя, мне кажется, он достиг просто непостижимого уровня невежества. Но воздух здесь легок, свет мягок, и я ощущаю в себе необычную теплоту. Я воздаю должное твоему гостеприимству и благодарю тебя от имени своего научного института. Что-то теперь делают мои научные коллеги в Бадари? Вернее, чем были они заняты восемьдесят веков назад? Конечно же, они с нетерпением ожидали моего возвращения. Я не обману их надежд. Жатва, собранная мною, станет датой в истории мировой науки.

Но я не могу безмятежно дремать среди плотских радостей твоей эпохи, друг; я должен выполнить свое задание. Я отправлюсь к цели, которая мне назначена; я должен достигнуть твоей эпохи, Джинг-Джонг. Возможно, я окажусь там, перголезец, в годы твоей жизни. Вероятно, стало быть, что я встречу тебя там; но ты не сможешь меня узнать, ибо наша встреча будет еще предстоять тебе в будущем. Я надеюсь, ты окажешь мне прием столь же учтивый, какой оказал нам наш друг парижанин. Надеюсь также, что искусство приготовления вин к тому времени не будет забыто.

— В последнем можешь быть уверен, о предок; но ты обольщаешь себя ложной надеждой. Ты не можешь меня встретить в Перголии, ибо если ты меня встретишь, то — прошу снисхождения за не слишком изящный оборот — это уже произошло в моем прошлом. В таком случае я уже теперь знал бы об этом. Между тем твое лицо мне незнакомо.

— Это справедливо, о будущий мудрец, я забыл об этой детали... Но мне пора. Не можешь

ли ты, парижанин, оказать мне последнюю услугу? Мне было бы страшно неприятно взлететь посреди этой толпы; это не осталось бы незамеченным. Не согласишься ли ты проводить меня в какое-нибудь пустынное место, откуда я смогу вылететь, не вызывая скандала?

Я поднялся, чтобы проводить его. Джинг-Джонг пообещал подождать меня в «Куполе»; мне хотелось еще поговорить с ним.

— Я не двинусь с места, — сказал перголезец, — до твоего возвращения. Я думаю завтра отправиться дальше. Тебе же, предок Амун, я желаю счастливого пути. Но не хочешь ли ты передать что-нибудь своим братьям? Не исключено ведь, что я приземлюсь в твоём веке.

— Скажи им, что ты встретил по дороге Амун-Ка-Зайлата, что все идет хорошо и что я скоро возвращусь. Vale!

Мы прошли несколько шагов по бульвару. Потом мы свернули в переулок, и я повел Амуна по направлению к Люксембургскому дворцу.

По дороге бадариец говорил мне:

— Прости, друг, что я ускорил свое отбытие, но этот маленький перголезец мне совсем не нравится. Мне кажется, он питает какие-то ужасные намерения. Я чувствую, что за всем этим кроются черные замыслы. Богатая и обширная страна Бадари постоянно возбуждала зависть у своих соседей. За нашу историю нам пришлось отражать нападения бесчисленных врагов. Но что произойдет, если о нашем процветании узнают народы будущего? Если они столь же учены и могущественны, как мы — а именно так, по-видимому, обстоит дело с этими перголезцами, — боюсь, что у них будет слишком большое искушение отправить экспедицию в прошлое для завоевания наших богатств. Мне что-то не нравятся ни форма черепа Джинг-Джонга, ни его тщедушное тело. Я проделал глубокие исследования по изучению соотношения физической конструкции человека с его нравственным обликом и могу сказать, что на этот раз мы имеем дело с очень злым и нехорошим человеком... Парижанин, теперь я сделаю тебе признание, ибо чувствую, что ты меня не предашь. Если поначалу мое путешествие было вызвано бескорыстной научной любознательностью, то теперь оно приобретает до некоторой степени разведывательный характер. Раскрыв глубочайшие тайны вселенной и в полном сознании своего достоинства и славы, мы хотим познакомить с достижениями бадарийской цивилизации народы всех времен. Но теперь планы перголезцев, по-видимому, угрожают нашим.

Я принял решение. Я установлю машину на время жизни этого субъекта. Я проведу там несколько недель, чтобы узнать, что они замышляют. Потом я возвращусь в Бадари, чтобы сделать доклад Его Величеству нашему королю. Тогда мы сделаем свои приготовления.

На улице, кроме нас, никого не было. Он вынул из кармана машину времени и внимательно отрегулировал ее.

— Все готово, — сказал он наконец.

— Но, — ответил я, опечаленный, — я совсем мало тебя видел, и теперь ты покидаешь меня, наверное, навсегда. Мне еще нужно задать тебе тысячу вопросов. Ты мне почти ничего не рассказал о чудесной бадарийской цивилизации.

— Возможно, ты увидишь меня значительно раньше, чем предполагаешь, — ответил, улыбаясь, Амун-Ка-Зайлат. — Я обещаю на обратном пути сделать тут еще одну промежуточную посадку.

— А как я узнаю, где тебя опять встретить?

— Доверься, друг, бадарийской мудрости... А теперь отойди на несколько шагов.

Он плотно завернулся в тогу, сделал мне знак рукой, который я принял за прощальный, и нажал на кнопку. Вспыхнуло фиолетовое пламя, перед моими глазами промелькнула белая молния, и я услышал протяжный свист, подобный тому, что бывает при запуске ракет. Что-то

ослепительно яркое пронеслось у меня над головой, устремляясь в черное небо. Все это заняло какое-то мгновение, после чего снова наступили мрак и тишина. Я остался один, сжимая от волнения решетку Люксембургского дворца.

Несколько секунд я продолжал стоять, прислонившись к решетке. Едва я справился с волнением, как новая вспышка озарила ночь. Снова молния прорезала небо, и передо мной на прежнем своем месте оказался Амун-Ка-Зайлат, на этот раз одетый в плотно облегающее трико.

— Что происходит? — вскричал я. — Ради бога, что означает это внезапное возвращение? Конечно, я счастлив, но что помешало твоим планам? Может, в твою машину попал песок?

Бадариец снисходительно улыбнулся.

— Ничего не случилось. Все работает отлично. Разве я не предупредил тебя, что сделаю здесь вторую промежуточную посадку? Как видишь, я держу свое слово. Я возвращаюсь из Перголии после того, как провел в этой стране, которая, кстати, мне совсем не понравилась, целый месяц. Я рад окунуться снова в нежную атмосферу парижской ночи.

Я опять не смог сдержать удивления:

— Но ведь ты покинул меня всего несколько секунд назад?

— Это правда. Но что же здесь непостижимого? Сколько раз нужно тебе повторять, что, как только я уношусь в пространство, я немедленно оказываюсь во времени, отличном от твоего? Я "достиг Перголии меньше чем за час, что составляет примерно одиннадцать тысяч лет земного времени. Я пробыл там, как и намеревался, немногим менее месяца — между прочим, я немало пострадал от мерзкой пищи и отвратительных напитков, которые мне подавали в этом двадцать девять тысяч сто пятьдесят третьем году, — а затем я отправился против течения времени, отрегулировав свою машину таким образом, чтобы сделать здесь промежуточную посадку, как и обещал тебе. Поскольку день и время нашей первой встречи мне были по душе, я постарался вернуться точно на то же место. Это мне удалось без труда. Вот и все. На самом деле я прожил месяц. За это время ты прожил десять секунд, а на Земле прошло одиннадцать тысяч лет в одном направлении и одиннадцать тысяч лет в обратном. Все это ясно, как божий день. Я подумывал вернуться сюда немного ранее момента своего отправления. Но я не сделал этого, чтобы избавить тебя от излишних переживаний: я ведь вижу, что ты не в силах освоиться с относительностью времени.

— Я понимаю, — ответил я, вконец сбитый с толку. — Я понимаю... Я благодарен тебе, что ты переждал эти несколько секунд. Но в самом ли деле ты достиг этого двадцать девять тысяч сто пятьдесят третьего года, как ты его называешь? Видел ли ты... Увидишь ли ты, в самом деле... Послушай, умоляю тебя, давай условимся употреблять прошлое время, пусть в этом и нет никакой логики. В самом ли деле ты видел эту Перголезскую республику, чей представитель ожидает меня сейчас перед бутылкой шампанского?

— Можешь быть уверен. Я видел ее и принес оттуда важные новости. Положение очень серьезно. Я хочу рассказать тебе о своих приключениях... Но не можем ли мы устроиться поудобнее в одном из этих заведений, где подают напиток, вкус которого я не забыл в течение последнего месяца? Пусть подождет Джинг-Джонг, этот гнусный негодяй.

Я присматривался к бадарийцу. Как я уже говорил, он был одет в черное, плотно облегающее трико. Оно подчеркивало его формы: фигурой он походил на античное божество. Я повел его в маленький кабачок на Сен-Жермен-де-Прэ в надежде, что там его наряд останется незамеченным. В самом деле, никто не обратил на него внимания. Я заказал вина. Он продолжал:

— Да, сын мой, Перголия достигла больших успехов в области физических и математических наук, но это не тот мир, который я выбрал бы, чтобы доживать там свои дни. Жители этой страны очень не симпатичны, и им незнакомо, что такое радость жизни. Помимо

всего, это гнусные злоумышленники, которые, как я и предполагал, намереваются послать экспедицию для завоевания лучезарного Бадари. Но позволь мне теперь рассказать о своих приключениях. В них много необычного.

Как ты уже знаешь, я использовал указания Джинг-Джонга и отправился в перголезскую эпоху. Машина моя настолько совершенна, что я приземлился именно в его времени, в самой столице республики, которая именуется Бала и является наиболее отвратительным городом из всех, когда-либо встреченных благородным бадарийцем.

Я смешался с населением и старался ничем не обнаружить себя. Мне удалось обменять свою тогу на этот перголезский наряд, который буквально оскорбляет мой вкус. За несколько дней я усвоил их язык, после чего постарался проникнуть в среду их ученых, которые составляют там подлинную аристократию. Случай мне помог. Я поступил слугой в дом доктора Перголезской академии. Там я узнал, что приземлился в городе Бала — о чудо науки! — не только в эпоху Джинг-Джонга, но — слушай внимательно — в то время, когда он уже ВОЗВРАТИЛСЯ ИЗ СВОЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ. Я напоминаю тебе, что употребляю прошлое время только для того, чтобы не перенапрягать твои нервы. Я должен бы сказать: «когда он возвратится»... Это замечание я делаю с тем, чтобы предупредить твои возражения. Ты помнишь, что, когда я рассматривал возможность встретить в Перголии коротышку Джинг-Джонга, он заметил мне, что, если бы он меня уже видел, он бы помнил об этом. Итак, я встретил его там, но это произошло уже ПОСЛЕ нашей встречи здесь, ПОСЛЕ его путешествия в Бадари и ПОСЛЕ его возвращения. Стало быть, он не мог здесь помнить о событии, которое еще предстояло ему в будущем. Ты слушаешь меня внимательно?

— Продолжай, — сказал я, опрокидывая большой стакан коньяку.

— На чем я остановился?.. Ах, да! Итак, я оказался там как раз после возвращения Джинг-Джонга из путешествия. Мне никогда не забыть минуты, когда он увидел меня и — слушай теперь внимательно! — когда ему стало ясно, что, поскольку мы с ним встречались в твоём веке два раза (ибо вскоре нам предстоит снова встретиться здесь), ему не было известно во время этой второй встречи, что мы уже виделись — с моей точки зрения — или увидимся относительно него в Перголии одиннадцать тысяч лет спустя; но главное, он понял, что я-то в Париже уже об этом знал и, стало быть, имел возможность подготовиться к будущему сражению!

— Но как это? Как? — вскричал я.

— Я понимаю: требуется крайняя сосредоточенность, чтобы постигнуть все эти временные ситуации. Но сделай усилие, прошу тебя. Я повторяю: очень скоро мы снова его увидим. Он сам в припадке гнева сказал мне об этом в двадцать девять тысяч сто пятьдесят третьем году. Теперь он не будет знать, что я уже был свидетелем его возвращения в Балу. Но когда там, в Перголии, он станет участником встречи, которую я уже пережил, тогда он поймет, что мне здесь уже были известны все обстоятельства этого будущего события и что он обведен вокруг пальца... Вот что произошло, и он меня яростно обвинял в коварстве. Достаточно ли ясно я выражаюсь?

— Продолжай. Я, кажется, понимаю, к чему идет дело.

— Итак, Джинг-Джонг возвратился из своей экспедиции. Конечно же, я старался не попадаться ему на глаза. Этот предатель представил доклад Перголезской академии и прочел его на заседании, которое происходило в доме моего хозяина. Я спрятался за шкафом и прослушал все от начала до конца. О сын мой, трудно передать, насколько извращены эти люди и какая страшная опасность угрожает Бадари!..

Прежде всего я испытал определенное удовлетворение, услышав из его уст, что мое путешествие счастливо окончилось... Нужно тебе сказать, что Джинг-Джонг достиг Бадари немного спустя после МОЕГО ВОЗВРАЩЕНИЯ. Мне кажется, ты не сумеешь уловить всей

необычности этой ситуации: впрочем, и мне самому нелегко во всем этом разобраться. Неважно... Итак, с явным удовольствием я слушал рассказ своего противника о поступке, который я еще не совершил, и о событии, которое он сам в нынешний момент еще не пережил. Буду краток, чтобы тебя не томить. Все прошло отлично. Но продолжаю о докладе Джинг-Джонга.

Он рассказал о прелестях бадарийской цивилизации, о процветании ее столицы и мудрости ее немногочисленного населения. Он упомянул о пустующих пространствах, окружающих Бадари, и сравнил их с густонаселенной территорией Перголии. Это их больное место. Дело в том, что этот народ одержим нелепой манией к стихийному размножению, без всякой мысли о будущем. В конце концов им приходится жить в такой тесноте, как в мои времена жили кое-где крысы в чужеземных странах. Земля не может больше прокормить всех обитателей Перголии. Увы, мои подозрения оказались совершенно справедливыми. Их проклятые ученые разработали план настолько же хитроумный, насколько мерзкий и дьявольский: они собираются послать армию в прошлое для завоевания Бадари.

Джинг-Джонг своим докладом только поощрил их. Начато массовое производство машин времени. Огромное количество солдат-завоевателей проходит интенсивную подготовку. Быть может, пока я разговариваю с тобой, их авангард уже находится в пути... Впрочем, я ошибаюсь, конечно. Ведь Перголия будет существовать только через одиннадцать тысяч лет. Что касается Джинг-Джонга, он все еще здесь. Он ждет тебя на террасе заведения, где мы были только что, то есть месяц назад. Сын мой, я чувствую себя усталым. В этих путешествиях требуется такая работа мысли, которая подвергает рассудок тяжелому испытанию. Все это очень усложняется... Но продолжаю.

Итак, никем не замеченный, я присутствовал на заседании перголезских ученых и слушал доклад доктора Джинг-Джонга. Он продемонстрировал сокровища, злодейски похищенные им в наших музеях. Он рассказал о сделанных им экспериментах. В частности, он вступал в связь с бадарийскими женщинами — из чисто научного любопытства, с целью создания гибридной расы. Этот рассказ был особенно омерзителен. Услышав об этих гнусностях, я потерял хладнокровие. Я выскочил из своего укрытия и бросился к этому коротышке, осыпая его градом жестоких упреков. Он узнал меня и понял то, что я тебе только что объяснял. Указывая на меня пальцем, он закричал своим коллегам: "Вот человек, которого я встречаю повсюду во всех эпохах! Это бадариец, рискнувший путешествовать во времени за двадцать тысяч лет до меня! Я наткнулся на него два раза в двадцатом веке по христианскому летоисчислению. Он прибыл сюда с тем, чтобы шпионить за мной, в то время как я, ничего не подозревая, сижу на террасе кафе в городе, именуемом Парижем. Но еще прежде, чем я увидел его здесь, этот гнусный негодяй отправился в Париж, зная заранее о моих замыслах. Он попытается вовлечь в свою игру жалкого идиота, чьим доверием он овладел. С помощью этого Оскара Венсана он захочет напоить меня и выкрасть мою машину времени. Но провидение не дремлет, и я расстроил их планы, ибо вот он я, перед вами, после того как я выполнил свою миссию в Бадари!"

И это еще не все, перголезцы! Знайте же, что этот проклятый предок встает мне на дороге повсюду: в прошлом, настоящем и будущем? Настолько сплелись наши существования — мое прошлое с его будущим и мое будущее с его прошлым, — что сами боги не смогут ничего в этом уразуметь. Я встретил его снова — в Бадари уже после того, как он присутствовал на этом секретном заседании и пронзил меня кинжалом, что вы увидите через несколько секунд. К тому времени он коварным способом узнал уже все детали нашего грандиозного проекта и искал путей, чтобы воспрепятствовать его осуществлению. Он бахвалился там, что убил меня; сейчас он будет иметь честь совершить это в вашем присутствии!.. Ну что ж, пусть сбудется судьба! Умри, проклятый! Я знаю, что кинжал, которым я на тебя замахиваюсь, ты отправишь в мою же

грудь; но поскольку эта сцена уже существует во времени, я вынужден попытаться убить тебя, хотя и знаю, что именно я погибну. Умри же, презренный убийца!"

И он бросился на меня с кинжалом.

— Как?! — вскричал я.

— Умоляю тебя, парижанин, не прерывай меня! И так все это очень сложно. Знай только, что он не лгал. Я расскажу тебе сейчас, как все произошло. В отношении убийства все исполнилось совершенно точно.

Замахнувшись кинжалом, он бросился на меня. Но, к счастью, я значительно сильнее его. Я был начеку. В один миг я вывернул ему руку и овладел оружием.

«И ты полагаешь, негодяй, — вскричал я, тоже вне себя от бешенства, — что мне не надоело встречать тебя повсюду, ты думаешь, с меня этого недостаточно: поневоле сталкиваться с тобой во все времена? Ты думаешь, меня это забавляет: быть орудием в руках судьбы? Или я из удовольствия отдамся этой дурацкой комедии: когда попытаюсь выкрасть твою машину и буду знать, что ничего из этого не выйдет, как ты рассказал? Умри же, злодей, пусть сбудется то, что суждено!»

И я вонзил кинжал ему в сердце. Он испустил страшный крик и отдал свою мерзкую душу дьяволу.

Да, сын мой, я преступник, но меня не мучают угрызения совести; к тому же я убил его при самозащите. Единственное, о чем я жалею, это то, что я не смог навсегда покончить с этой жуткой личностью. Увы, мне придется встретиться с ним еще здесь, потом в Бадари... и по его возвращении в Перголию, когда я заколю его там через одиннадцать тысяч лет... А затем придется снова отправиться в Бадари... снова встретиться с ним... Ты знаешь, эти путешествия выработали у меня куда более сложные представления о времени. Я начинаю замечать, что это не столь уж простая среда, как мы представляли... Но окончу свой рассказ.

Итак, я убил коротышку Джинг-Джонга (почему только я не сделал этого раньше?)... Ну и шумиха поднялась в этом ученойшем собрании! Все эти писаки-коротышки бросились на меня, испуская дикие крики и комическим образом потрясая своими кулачками. Я с удовольствием проломил бы череп нескольким из них, но их было слишком много, и я не выбрался бы живым из Перголии. Я предпочел достойное отступление. Ноги у меня длинные, дыхание отличное, так что им было не угнаться за мной. Я укрылся в городе. Я прожил в нем еще несколько дней: нужно было узнать подробней о замыслах перголезских академиков. Смерть Джинг-Джонга не обескуражила их, и они не отказались от своего проекта.

Недолго ждать столкновения Перголии и Бадари. Война неотвратима. Узнав то, что мне было нужно, я поспешил отправиться в обратный путь — по воображаемому маршруту. Остальное тебе известно.

В молчании я выслушал этот удивительный рассказ, все чаще прибегая к помощи вина, чтобы не сдали нервы от этих головокружительных откровений. Вокруг нас в ритме какой-то странной мелодии колыхались в воздухе человеческие пары. Амун-Ка-Зайлат с интересом и явным удовольствием наблюдал за ними.

— Мне нравится бессвязная суэта твоего века, — проговорил он со вздохом. — Если бы я мог побыть здесь подольше и дать немного отдыха моему рассудку! Увы, пора отправляться — надо действовать.

Я спросил, каковы его планы.

— Вот они, — отвечал бадариец. — Все средства хороши против бесчестного противника. Я решил хитростью овладеть проклятой машиной Джинг-Джонга. Ты должен мне помочь, и мы проведем его. Не говори ему ничего о моем путешествии. Я же скажу ему, что по некоторым причинам мне пришлось отсрочить свое отправление, и предложу провести ночь за вином. Ты

закажи напитки покрепче. Я уже заметил, что он как раз такие предпочитает. Когда он опьянеет, он будет в моем распоряжении, и я смогу выкрасть его машину. Тогда он станет пленником твоего века, и Бадари будет спасено.

Эти рассуждения звучали явно нелогично в устах бадарийца и показались мне просто безрассудными.

— Конечно же, я хочу тебе помочь, — ответил я. — Но разве ты не сказал, что из этого ничего не выйдет? Что судьба в данном случае против нас? Разве это уж так необходимо: добиваться чего-то, зная заранее о неуспехе предприятия? К чему эта призрачная попытка?

— Почему призрачная, кто тебе сказал? То, о чем я рассказал тебе, является реальным космическим событием, которое в законченном своем виде существует именно так, как я его описал. Хотя мне известно заранее, что должно произойти, не в моей власти изменить судьбу. Неужели же ты настолько наивен, что не знаешь даже законов научного детерминизма? Да, произойдет именно следующее: Джинг-Джонг нас проведет. Впрочем, один раз он нас уже надул: предмет, который он показывал тебе и затем спрятал в свой правый карман, вовсе не машина времени. Это всего лишь точная ее копия, предназначенная для того, чтобы вводить в заблуждение воров. Когда он заметит волнение и беспокойство у тебя на лице, он заподозрит нас в нашем намерении. К тому же я совершу непростительный промах. Я скажу ему, что еще не отправлялся в Перголию, а между тем на мне перголезское платье. Он догадается, что я вернулся из путешествия, и, даже не зная, что я там видел и что узнал, будет настороже. Он притворится пьяным. Я завладею мнимой машиной времени, но буду считать, что выкрал подлинную. Тогда, выхватив ее из своего левого кармана — между тем как мы — вслушайся в эти слова! — не будем знать, что она там находится, — он воскликнет, торжествуя... Но к чему эти предсказания? Ты и сам все увидишь. Что до меня, я не могу избежать этого события. Знай только, что при этом я сохраняю свободу воли; таково заключение наших крупнейших ученых; но слишком сложно было бы объяснять тебе все это теперь. У меня остается свободный выбор, но я хочу, я решил теперь свершить предназначенное и попытаюсь выкрасть машину времени... Пойдем же, и постарайся напоить его.

Я покорно встал, заплатил официанту и вместе с благородным бадарийцем отправился навстречу судьбе.

Все произошло, как предсказал Амун и как было предначертано. Когда мы разыскали Джинг-Джонга, «Купол» уже закрывался. Я повел своих гостей в небольшой ресторан неподалеку. Мы пили и беседовали о разных фактах из прошлого и будущего. Коротышка-перголезец, посмеиваясь, поглощал любые смеси — все, что я коварно подсовывал ему. Часа в три утра Амун-Ка-Зайлат решил, что тот пьян, и ловко вытащил у него из кармана то, что принял за дьявольскую машину. Но Джинг-Джонг тотчас вскочил и воскликнул:

— Жалкий болван! Знай же, что я это давно подозревал. Я провел тебя, как дурака, несмотря на всю твою древность. Ты уверяешь, что не покидал квартала Монпарнас, а я вижу, что на тебе национальный перголезский костюм! Тебе не удалось одурачить меня! Я решил подождать, чем кончатся твои плутни. То, что у тебя в руках, — это кусок безжизненного металла, которому придал форму мастер из божественного города Бала. Я специально взял его в дорогу, ибо знал, что подобное происшествие может однажды случиться. Что до тебя, глупый парижанин, которому я доверял, знай, что мы вскоре снова увидимся... О подлые и невежественные существа, подлинная машина времени — вот она!

И, порывшись в своем левом кармане, он достал оттуда предмет овальной формы и крепко сжал его в ладони.

— А теперь я, Джинг-Джонг, которому ничто не может помешать продолжать путешествие, — я говорю вам: до скорого свидания. Vale!

Внезапно погас свет ламп, горевших в зале. Вспыхнуло фиолетовое пламя, затем промелькнула белая молния, раздался протяжный свист, и снова наступила тишина. Доктор исчез.

— Уф! — вздохнул Амун-Ка-Зайлат. — Наконец-то с этой мучительной сценой покончено. Слава богу. Как и всякий благородный бадариец, я, конечно же, не могу испытывать удовольствия, когда какой-то далекий потомок обращается со мной как с идиотом и называет меня невеждой. Но теперь с этим покончено. Я испытываю явное облегчение. Выпьем и поразмышляем.

Я сидел один перед стойкой и пытался привести в порядок свои мысли. Было четыре часа. Амун-Ка-Зайлат только что отправился в Бадари, с тем чтобы его соплеменники успели подготовиться к вторжению перголезцев. Бармен с любопытством поглядывал на меня.

— Привет, Оскар Венсан, о коварный парижанин! — проговорил на латыни чей-то пронзительный голос.

Я обернулся — передо мной стоял Джинг-Джонг. Я уже ничему не удивлялся.

— Садись, — сказал я ему. — Ты, вероятно, хочешь мне сообщить, что провел несколько месяцев в Бадари. Я не удивлюсь этому. Надеюсь, ты не в обиде на меня за то, что я помогал нашему предку, который хотел тебя провести. Подобные выходки вряд ли могут занимать твой возвышенный ум. Но что это за наряд на тебе?

Я имел в виду ослепительной расцветки ткань, плотно облегающую тело перголезского ученого.

— Это единственное одеяние бадарийцев. Ты угадал: я длительное время пробыл в Бадари и теперь возвращаюсь на родину. Я прощу тебе твое предательство, парижанин, при одном условии... Но сначала закажи что-нибудь подкрепляющее для меня: я страшно устал, и на душе у меня очень печально. Совсем недавно этот презренный Амун-Ка-Зайлат объявил мне, что заколол меня в Перголии кинжалом; так что совсем не с радостным сердцем и не для удовольствия возвращаюсь я в Перголию...

Он опрокинул стакан и продолжал:

— Мне нужна твоя помощь. План у меня такой. Правда, Амун считает, что он ему известен, но это не совсем так... Кстати говоря, он ничего больше не знает, ибо он мертв. Я покончил с ним незадолго до своего отправления...

— Ну что ж... — пробормотал я. — Но ведь он сам убьет тебя в Перголии!

— Потому-то я и решил предупредить события. Когда он сообщил мне о моей смерти, я расвирепел и не смог удержаться. Я схватил молот, бывший у меня под рукой, и раздробил бадарийцу череп. Но все это не важно. Я...

Я обхватил голову руками.

— Не сердись, — взмолился я, — но ведь когда он здесь был, с час тому назад, должен же был он знать, что был уже... что отправляется навстречу своей смерти. Но он ничего об этом не говорил.

— Чему же ты удивляешься? Ведь это событие и мне и ему предстояло в будущем. Теперь-то я знаю об этом и при случае смогу в Перголии сообщить бадарийцу о его смерти; но я предчувствую, что этого не сделаю.

— Ах, так, — проговорил я, глубоко опечаленный смертью своего друга.

— Но хватит об этом идиоте. Мне бы хотелось только, чтобы его и моя смерти освободили меня навсегда от его присутствия. Увы, это невозможно.

— Это невозможно, — повторил я.

— Подумай сам... Впрочем, достаточно болтать. Я хочу, чтобы ты узнал мои планы. Но сначала мне нужно сообщить тебе следующее. В Бадари я проделал несколько экспериментов. У

меня были при себе несколько образцов семенной жидкости, полученные от лучших представителей мужского населения Перголии. Я выбрал несколько бадариек, и мне удалось их оплодотворить. Результат превзошел мои ожидания: дети, родившиеся от перголезца и бадарийки, отличаются прекрасной физической конструкцией и великолепными интеллектуальными данными. Так что есть возможность создать высшую расу...

— Прости, пожалуйста, сколько времени ты пробыл в Бадари?

— Я прожил там около двенадцати лет... Я сказал уже, что эти опыты по скрещиванию дали отличные результаты. Но я не ограничился искусственным оплодотворением. Я действовал на свой страх и риск и с тем же успехом. Я не говорил тебе, что бадарийки очень милы? Но это к слову... Я задумал грандиозный проект. Ты знаешь, что настоящим бичом Перголии является ее перенаселенность. А теперь вдумайся: я хочу, чтобы весь, так сказать, излишек перголезского населения отправился в путешествие во времени. Следом за мной они окажутся в Бадари. Там они осядут, размножатся и смешаются с местным населением. Мало-помалу наши природные достоинства и численное превосходство над бадарийцами приведут к тому, что бадарийская раса станет хиреть, угасать и, наконец, исчезнет совсем. Останется только божественная раса перголезцев, которая в непрерывном своем развитии устремится в будущее... ее потомки ВОССОЗДАДУТ нашу перголезскую расу двадцать тысяч лет спустя. Что произойдет тогда? Я не осмеливаюсь думать об этом. Путешествия против течения времени порождают совершенно необыкновенные ситуации, и нам, вероятно, следует видоизменить и приспособить к ним процесс нашего мышления... впрочем, все это не важно. Пока сфера действия наших машин ограничивается двадцатью тысячами лет. Представь себе тот день, когда мы сможем отправляться в еще более глубокое прошлое! Когда мы сможем достигнуть эпохи возникновения жизни на Земле! Когда сумеем исправлять, да, да, исправлять оплошности природы! Да, друг, это будет, и, стало быть, это уже было. Перголезец станет свидетелем и причиной своего рождения. Мир в том виде, как он есть, был выкован нашим гением. Но мы сможем СТАТЬ ПРИЧИНОЙ ТОГО, ЧТО ОСУЩЕСТВИЛОСЬ. Это величайший триумф науки... Но вернемся к нашим бадарийцам.

Нужно действовать незамедлительно. Этот проклятый Амун, несмотря на свою смерть, способен еще сыграть со мной скверную шутку. Я должен поскорее возвратиться в Перголию. У меня еще останется время перед смертью сделать сообщение своим коллегам. Мы пошлем в Бадари авангард, чтобы он занял там какую-то территорию. В этом мне понадобится твоя помощь. Не волнуйся, пока еще речь не идет обо всей армии. Население Бадари не превышает десяти тысяч душ. Чтобы совладать с ними и обратить их в рабство, достаточно пятидесяти перголезцев, вооруженных нашим знаменитым смертоносным лучевым оружием. Достаточно пятидесяти хорошо вооруженных солдат. Они совершат промежуточную посадку в твоем веке. Ты примешь их. Ты их накормишь и напоишь, с тем чтобы их воинские качества оставались на самом высоком уровне. Вот все, что мне нужно от тебя.

— Но, — возразил я, — как же я, простой книгопродавец, сумею оказать гостеприимство целому вооруженному отряду?

— Это уж твое дело. Но если вздумаешь отказаться — берегись. Ты и не представляешь, парижанин, как мало значит жизнь человека двадцатого века для того, кто совершил убийство восемь тысяч лет назад и кто, в свою очередь, будет убит своей жертвой одиннадцать тысяч лет спустя.

Мне стало не по себе. Оставалось только склониться перед силой. Так я и сделал, хотя воспоминание о несчастном Амуне делало для меня еще мучительней мысль о помощи перголезцам.

— По крайней мере, — сказал я, — назови мне точную дату прибытия твоих солдат.

— Вот и они, — воскликнул Джинг-Джонг.

Настоящий дождь падающих звезд прорезал потолок ресторана. Пятьдесят лысых перголезцев в черных трико материализовались у меня на глазах. Они заполнили весь зал. Те, кому не хватило места, сели за стойку.

— Вот и они, — повторил Джинг-Джонг. — Я хотел быть уверенным, что ты не предашь меня, и поэтому выбрал именно этот момент. Закажи теперь угощение на всех.

Я оказался в большом затруднении. После ночного угощения мой кошелек стал почти совершенно пуст. Я решил махнуть на все рукой и заказал на всех шампанского. Бармен, бесстрастно наблюдавший за происходящим, начал наливать стаканы. Джинг-Джонг схватил бутылку и опустошил ее в один присест, после чего стал фамильярнее.

— В конце концов, парижанин, — сказал он, — ты неплохой мальчик. Я сохраню приятные воспоминания о тебе и твоей стране. Но мне пора расстаться с тобой: я должен подготовить к отправлению солдат, которых ты видишь здесь, и принять удар кинжала. Да здравствует Перголия! Прощай.

Он взлетел в свете рождающейся зари и оставил меня среди пятидесяти хрупких и маленьких перголезцев, которые, ухмыляясь, поглядывали на меня. Я не знал, что делать. Бармен уголком рта послонявил грязный карандаш и написал счет. Я выпил стакан и обратил взор к небесам. Новый ливень падающих звезд прорезал пространство. Я спрятал лицо в ладонях, понимая, что сейчас произойдет нечто неслыханное.

Я открыл глаза. Пятьдесят огромных молодцов с бронзовыми и сверкающими лицами запрудили все пространство у входа в ресторан. Это был отряд благородных бадарийцев. Рядом со мной, облаченный в пышную и яркую ткань, нахмутив мохнатые брови и воинственно подняв голову, еще более величественный, чем всегда, стоял Амун-Ка-Зайлат.

— Ничего не бойся, друг, — сказал он. — Бадарийская мудрость не дремлет. Час битвы наступил.

— Я думал, что и ты мертв, — пробормотал я.

— Так и было. Должно быть, Джинг-Джонг рассказал тебе об этом; но слушай дальше. Несколько минут спустя после того, как этот предатель внезапно раздробил мне череп, один из моих учеников решил попытаться меня спасти. Он вложил в мою еще теплую ладонь машину времени; перед этим он подключил к ней механизм, автоматически ее включающий и выключающий. Механизм был установлен на очень короткое расстояние в прошлое. Опыт удался, и я оказался жив и невредим за четырнадцать дней до этого события. Двух недель мне как раз хватило на подготовку. Я предвидел, что перголезская армия совершит у тебя промежуточную посадку. Я вооружил группу бадарийцев, чтобы встретить врага, и вот мы здесь. Твоя эпоха станет местом грандиозной битвы.

При этих словах я понял, наконец, к чему идет дело, и само отчаяние придало мне сил и смелости выступить на защиту наших собственных интересов.

— О неукротимый бадариец, — вскричал я, — ты, которого даже смерть не в силах остановить, скажи мне: разве так уж необходимо, чтобы это убийственное сражение разразилось именно здесь и сейчас, тогда как у нас царит мир и мы находимся на пути к совершенству? Разве ты не говорил, что это время и место тебе по душе и что ты еще не сумел постигнуть нашей мудрости? Прошу, позволь ознакомить тебя с ней и тем самым отвратить от твоих намерений...

Наиболее характерными признаками этого века являются его наука и его утонченность. В области *физики*, например, мы доказали, что совокупность законов, выведенных нашими предшественниками, является ложной, более того, мы установили совсем недавно, что таких законов в принципе не может быть и что жизнь вселенной отдана на волю случая. Не в наших

силах создавать материю, но зато мы только что научились ее разрушать.

В области наук, именуемых «*математическими*», мы умеем теперь — что, право же, свидетельствует о нашей незаурядной изобретательности — находить определения неопределенностей, именно в силу того, что они таковыми являются.

Что касается *морали*, то здесь после долгой эволюции мы пришли к выводу — и в этом ты убедишься, наша неустрашимость не уступает нашей мудрости, — что естественный процесс зачатия, благодаря которому мы воспроизводим себя, сам по себе не является ни абсолютно аморальным, ни абсолютно достойным осуждения. Больше того, с горячностью и ожесточением мы утверждали: сначала — что Добро является Добром, а затем — что Добро — это Зло. Кстати говоря, это дает тебе возможность составить представление о нашей *логике*. Но как бы то ни было, если на земле или на небе существует еще какая-то другая точка зрения по этому вопросу, будь спокоен, Амун-Ка-Зайлат, она не ускользнет от нас, и однажды мы станем ее приверженцами.

Что касается *метафизики*, то здесь наши поиски увенчались, пожалуй, наибольшим успехом. Признав поначалу, что бог и мир одинаково непостижимы, мы вслед за этим нагромодили почти все теоретически возможные философские системы — все это с тем, чтобы привести в соответствие эти две сущности. У меня не хватит времени подробно рассказать об этом. Вкратце дело обстояло так: сначала мы утверждали, что бог создал мир; затем решили, что мир сам породил себя; вслед за этим то и другое, одинаково непостижимые, слились для нас в нечто единое, но столь же невразумительное; затем мы решили, что существует только одно из этих двух; вслед за этим пришли к выводу, что не существует ни то, ни другое; наконец, совершив наиболее отважное интеллектуальное усилие за всю нашу историю, мы увенчали наши поиски последним решением: мы вообразили мир, порождающий бога. Итак, мы обладаем гением — ты согласишься со мной, — мы обладаем гением, который умеет комбинировать элементы, недоступные нашему пониманию!

Но мы проявили великие достоинства и во многих других областях. Например, в *литературе*... Увы, время не терпит, и я не смогу рассказать тебе о всех наших достижениях. Но я слезно умоляю тебя, предоставь нашей судьбе исполниться в мире и спокойствии, открой ради бога сражение несколько веков спустя.

Я окончил в рыданиях, настолько меня самого взволновало мое описание наших собственных достоинств. Однако мой друг бадариец прослушал меня в нетерпении.

— Это невозможно, сын мой, — сказал он, — ибо именно твоя эпоха является временем битвы, которую ты оплакиваешь. Но ты должен гордиться тем, что станешь свидетелем битвы, которой нет равных в бесконечности времен... Нет нужды рассказывать тебе о специальной подготовке, которую прошли мои солдаты. Знай только, что каждый из них обладает искусством быстро перемещаться во времени, чтобы узнавать тайные замыслы врага и совершенные им действия. Но ты сам все увидишь.

И, обращаясь к своему отряду, он воскликнул во весь голос:

— Бадарийцы, час настал! Вперед во времени и в пространстве!

Солдаты ответили дружным воплем, вслед за которым прозвучал оглушительный рев перголезцев и насмешливый хохот неизвестно каким чудом возвратившегося Джинг-Джонга. Свидетелями начавшегося сражения стали я и бармен, который с той же невозмутимостью составлял счет.

Это была ни с чем не сравнимая схватка. Падающие звезды окутали меня настоящим облаком; у меня на глазах они превращались в солдат, облаченных в самые различные костюмы. Я догадался, что каждый из участников сражения, чтобы обмануть противника, ускользает то в прошлое, то в будущее.

Я видел, как бадарийцы исчезли на мгновение, чтобы возвратиться в медвежьих шкурах и с каменными топорами в руках. Должно быть, они допустили оплошность и забрались слишком далеко. В ответ на это перголезцы рассеялись, подобно фейерверку, и тотчас возникли снова, вооруженные длинными копьями; они образовали каре, которое, по-видимому, было македонской фалангой. В то же мгновение бадарийский отряд превратился в моторизованную роту.

Были и одиночные схватки. На Амун-Ка-Зайлате была какое-то время греческая туника; затем он оказался в средневековых доспехах, на боевом коне, покрытом попоной. У меня на глазах он исчез, чтобы сразу же появиться в американской военной форме. Почти в ту же минуту американский солдат превратился в спеленатого младенца: снова, должно быть, произошла ошибка. Ребенок мгновенно улетучился, и на его месте оказался безобразный скелет. Своими крючковатыми пальцами он схватил Джинг-Джонга, на котором была медвежья шапка. Но тот сделал быстрое движение и превратился в огромную обезьяну доисторической эпохи; ее взгляд сверкал точно так же, как глаза перголезского ученого. В ответ Амун-Ка-Зайлат превратился в облако пыли.

Странные трупы валялись у входа в ресторан: они вновь и вновь поднимались, проклинали друг друга на неведомых языках, вступали в схватку, уменьшались до крохотных размеров, снова вырастали, превращались в чудовищ, в младенцев, рассыпались на мельчайшие частицы. Скрещивались лучи. Интерферировались волны. Кровавые ручьи посреди зала текли, высыхали и испарялись одновременно.

Я видел, как... но можно ли описать неопишное? У меня больше не оставалось сил выносить все это. Я схватил чудом уцелевшую бутылку и, не переводя дыхания, выпил содержимое, надеясь утопить в нем весь этот ужас.

Буря стихала. Лучи постепенно гасли. Чудовища испарились. В зале было пусто и тоскливо. Молчаливый бармен подметал осколки бутылок. Солдаты исчезли. Один только мой друг Амун-Ка-Зайлат сидел рядом со мной. Он говорил:

— Налей мне вина, сын мой, битва была очень жестокой. К тому же в голове у меня теперь самая ужасная неразбериха. Враг рассеян во времени; мои солдаты тоже. Сам я был убит, должно быть, не меньше десяти раз; но я испытал высшее наслаждение, проломив череп Джинг-Джонгу в сорока различных веках. Слава богу, это не мешает нам теперь наслаждаться прекрасным вином.

— Но чем все кончилось? — спросил я, задыхаясь от волнения.

— О, все это слишком тонко, — проговорил он в смущении. — Я не решаюсь ответить тебе.

Внезапно он показался мне усталым, постаревшим, безнадежно тоскливым. Во внешнем его облике происходили какие-то изменения. Его лицо утратило свое гордое выражение, осанка казалась уже не столь благородной.

— Послушай, — продолжал он не торопясь. — Вот истина, которая начинает мне открываться. Ты знаешь, что план Джинг-Джонга заключается в том, чтобы переселить в Бадари часть перголезского населения. Ну так вот. Мы преградили дорогу их авангарду, но основная часть экспедиции избрала для приземления эпоху, предшествующую моей. Задолго до того, как я появился на свет, Бадари было оккупировано этими людьми, которых я больше не рискну назвать жалкими негодьями.

Наступило молчание. Нет, это не было сном. Он становился меньше ростом у меня на глазах. Он превращался в старика. Морщины поползли у него по лицу. Какое высшее чудо ожидало меня? Или я начинал сходить с ума? Но где я видел эту дьявольскую усмешку, эти сверкающие злобой глаза, эти тонкие губы?.. Он продолжал:

— План Джинг-Джонга увенчается, уже увенчался успехом; произошло то, что проницательный ум смог бы предвидеть. Но эти необыкновенные события повергли меня в настоящее смятение, и я пока не в силах понять всего до конца. Парижанин, опустишь на колени перед фантастической загадкой существования! Перголезцы стали бадарийцами; но бадарийцы за время своей истории, в свою очередь, превратились в перголезцев. Они одновременно наши предки, мы сами и наши потомки. Речь идет об абсолютном соответствии и, значит, об идентичности во всех отношениях. Слушай, что я скажу тебе. Они — это МЫ, но мы — это ОНИ, которые процветаем в Бадари.

Оба сражавшихся отряда представляли разные стороны одной и той же реальности. Каждый солдат сражался против своего собственного Я, и сам я, Амун-Ка-Зайлат, не кто иной, как перголезский ученый Джинг-Джонг. Я порождаю себя в будущем, и я воскрешаю себя в прошлом...

Превращение свершилось. Рядом со мной сидел, попивая вино, Джинг-Джонг. Мне вдруг стало нехорошо. Мой разум помутился, нервы не могли больше вынести напряжения.

Я вышел из ресторана. Бледный свет зари освещал этот старый квартал, где я вел до этой ночи столь спокойную жизнь. Джинг-Джонг, ухмыляясь, последовал за мной; ему было хорошо известно, что сейчас произойдет. Его присутствие стало для меня невыносимым. Во что бы то ни стало мне нужно было избавиться от этого кошмара.

Рядом со сточной канавкой я наткнулся на знакомый уже предмет бледной окраски и эллиптической формы. Должно быть, один из солдат выронил здесь свою машину времени. Я подобрал ее и стал с любопытством рассматривать. Я обратил внимание на две кнопки, расположенные рядом. Перголезский ученый с необыкновенной любезностью объяснил мне, что одна из них служит для отправления, вторая — для остановки.

— Механизм установлен на путешествие в прошлое, — проговорил он убедительным тоном. — Так что можешь попробовать. Совершишь небольшую прогулку. Нажми на первую кнопку и сразу же на вторую. Ты окажешься всего за несколько часов до этого момента. Это совсем нетрудно.

Столь велико было мое желание бежать отсюда, что я не стал размышлять над предложением. Мне и в голову не приходило, что за этой приторной услужливостью кроется поистине макиавеллевский расчет... Я закрыл глаза, и только после того, как совершил роковую оплошность, я проклял все на свете.

Я ощутил сильнейший толчок. Тошнота охватила меня. Передо мной пронеслись звезды, затем последовало новое сотрясение, и я оказался на Земле.

В ту же самую минуту я все понял. Мир стал моложе на двенадцать часов. Был вечер того дня, когда начались мои приключения, и я был в том самом настроении духа. Теперь мне предстояло заново пережить эту дьявольскую ночь; но поскольку все совершится в той же последовательности и с точностью до малейшей детали, **СОВЕРШЕННО НЕИЗБЕЖНО Я ПОДНИМУ НА РАССВЕТЕ МАШИНУ ВРЕМЕНИ И НАЖМУ НА КНОПКУ.** Затем я опять возвращусь назад, снова переживу эту ночь — и так без конца... вечно. Совершив жалкий промах, я попал в роковой круговорот времени...

[Проницательный наблюдатель заметит, что, если события начались точно так, как это уже имело место, значит, каждый раз мне должно было быть известно, что произойдет в следующее мгновение. Именно так и обстоит дело. Мне известна каждая деталь этого круговорота, в котором я существую, начиная от прошлой вечности вплоть до вечности будущей. Если я ничего не делаю явным заранее и сам ни о чем не догадываюсь, то причиной этого чистое любопытство... И потом, надо же было с чего-то начать! — О.В.]

Я открыл глаза и оглянулся по сторонам.

Я сидел на террасе «Купола». У меня уже вошло в привычку сидеть здесь в летние дни, попивая свежее пиво и разглядывая прохожих. Так было и на этот раз. Передо мною лежала развернутая газета, и, когда я уставал смотреть на прохожих, я опускал глаза, чтобы прочесть несколько строк.

Я подумывал о том, что все шло не так уж плохо.

Именно в этот момент в мою жизнь вошел бадариец...